

О.Н. МАЙОРОВА
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ДИСКУССИИ В ПОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ В 90-Е ГОДЫ XX В. О МЕСТЕ ПОЛЬШИ В ЕВРОПЕ

Abstract:

Mayorova O.N. *Discussions on Poland's place in Europe in the Polish society of the 1990s*

The author analyses the discussions of the country's place within Europe in the Polish society of the 1990s, when the Central Europe entered a period of structural transformation; the article examines the priorities of the Polish foreign policy in the programs of the main political parties — the potential entrance into NATO and the EU being the principal issue.

Ключевые слова: Польша в 90-е годы XX в., программы политических партий, внешняя политика, НАТО, ЕС.

После краха коммунизма в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. Центральная Европа вступила в эпоху важных структурных преобразований. В новой исторической обстановке перед польским обществом, его политическими силами встал ряд актуальных вопросов, касающихся отношения к соседним государствам, выбора возможных союзников, определения своей позиции в развитии регионального сотрудничества и сближении с евроатлантическими структурами. На общественное мнение поляков воздействовали как международная ситуация, так и внутреннее положение, позитивы и негативы процесса политической и экономической трансформации.

Польша неизменно, начиная с первого правительства «Солидарности» в 1989 г., декларировала желание вступить в западные институты: ЕС и НАТО. Этот курс проводился энергично, подчиняя себе все другие внешнеполитические цели. В программной речи премьера левого коалиционного правительства В. Павляка в ноябре 1993 г. отмечалась необходимость достижения целей, определенных в документе «Принципы политики безопасности» президентом Л. Валенсой. Министр иностранных дел упомянутого правительства А. Олеховский также подчеркивал неизменность главного направления польской внешней политики, отмечая, однако, что страна «будет идти по левой стороне этой дороги».

Стремление Польши добиваться вступления в НАТО, а также продолжать курс на сближение и полное членство в ЕС декларировал в качестве первоочередных внешнеполитических задач и А. Квасьневский, будучи еще кандидатом на пост президента. Так, осенью 1995 г. в своей предвыборной программе он утверждал: во-первых, это историчес-

кие обстоятельства, поскольку после вступления в западные структуры Польша вернется в свое естественное окружение; во-вторых, в рамках интегрированного европейского организма будет легче пройти период экономической трансформации и приблизиться к ведущим странам мира; в-третьих, польское государство стремится к участию в Североатлантическом союзе с целью укрепления внешней безопасности; в-четвертых, это будет способствовать поддержке демократических преобразований, так как, добываясь места в ЕС и НАТО, страна должна будет соответствовать их высоким демократическим стандартам¹. Д. Росати, министр иностранных дел (март 1995 г. — сентябрь 1997 г.) также отмечал, что впервые за многие годы появился реальный шанс коренным образом изменить стратегическую ориентацию Польши в пользу последовательной европейской концепции, которая обеспечивает лучшие «условия государственной безопасности и более выгодные перспективы экономического развития»².

В польском обществе осмыслению места и роли своей страны в современном мире с учетом происходивших в Центральной Европе глубинных изменений и последствий объединения Германии уделялось большое внимание. Различные мнения находили отражение и в позициях политических партий, и в публикациях периодических изданий. В начале 90-х годов появилась интересная работа историка Т. Киселевского, в которой утверждалось, что «Центральная Европа существует и представляет собой переходное пространство между латинской и византийской цивилизациями, будучи, однако, интегральной частью первой»³.

Известный философ Б. Лаговский обращал внимание на источники беспокойства в польском обществе. «Наш путь к объединенной Европе, — отмечал он, — невозможен до тех пор, пока мы не поднимемся до западного цивилизационного уровня. Для этого необходимы не только время, но и усилия, чтобы приспособиться к нему. Иначе мы дождемся сначала антипольских настроений на Западе, а потом в Польше возникнет партия, рассчитывающая на Россию и втягивающая ее в польские дела»⁴.

Познанский историк Е. Красуский, занимая взвешенную, на наш взгляд, реалистическую позицию, считал, что Польша является «транзитной» страной с преобладанием направления Восток — Запад. «Если политический вакуум на Востоке сохранится слишком долго, — заявлял Красуский, — то Польша как крепостная стена и граница Европейского сообщества попадет в такую зависимость от Германии, что ее существование станет де-факто фикцией». Противовес Германии виделся именно на востоке. Для Польши Красуский усматривал шанс «сохранить свою самобытность только в том случае, если ось Париж-Берлин-Варшава протянется до Москвы»⁵.

С точки зрения последнего «коммунистического» премьера М. Раковского, самое главное, чтобы Польша на пороге третьего тысячелетия стала полноправным членом ЕС. Он считал, что вхождение в НАТО не имеет такого качественного веса, как присутствие страны в ЕС. На его взгляд, политики и журналисты уклонялись от своей важнейшей обязанности — просветительской деятельности, а ведь она необходима, если вхождение в Европу понимать как приспособление к нормам «сожителства» народов западной части континента. Оно предполагает перестройку национального сознания, а это — задача значительно более сложная, чем создание правовой базы, приспособленной к законам входящих в состав ЕС государств⁶.

Е. Урбан, бывший пресс-секретарь правительства М. Раковского, призывал с большой долей скептицизма относиться к данным социологических исследований, по которым 90% поляков высказывались за вступление в НАТО, 88% — за экономическую и политическую интеграцию с ЕС. Среди поляков, спешивших в НАТО, значительная часть отрицательно относилась к возможному размещению в Польше ядерного оружия и иностранных войск, то есть поляки не против «западного зонтика», но без связанного с этим риска. Правые группировки, которые поддерживали вступление страны в НАТО, неодобрительно относились к условиям экономического, социального и юридического интегрирования с Западом. Наконец, сторонники Движения за возрождение Польши (ДВП)* и значительная часть Акции выборчей «Солидарность» (АВС)** рассматривали суверенность Польши как высшее благо, но ведь вступление в евроатлантические структуры вело, по мнению Е. Урбана, к ее определенному ограничению. Он подчеркивал, что почти всеобщая поддержка поляками идеи членства их страны в НАТО питалась прежде всего антироссийскими фобиями. Он также делал акцент на одном из аспектов этой проблемы: членство Республики Польша (РП) в НАТО составит некоторый противовес возможному участию во власти крайне правых, которые в определенной ситуации могли бы выдвинуть требования в отношении Львова и Вильно⁷.

По мнению польского писателя и политика А. Щипёрского, западную ориентацию польской внешней политики наверняка определяло стремление к материальному авансу, а с другой стороны, подтверждало нежелание огромного большинства нации вернуться к прежней политической, экономической и социальной ситуации. Щипёрский полагал,

* Правая партия, действовавшая в 1995–2012 гг.

** Блок из трех с половиной десятков правоцентристских партий и организаций, ведущей силой которого являлся профсоюз «Солидарность», находился у власти в Польше в 1997–2001 гг.

что нет страны, которая бы проиграла от участия в континентальном содружестве. Даже при разделах Польши сохранялась национальная самобытность. И смешно бояться, заключал он, что 40-миллионный народ в собственном суверенном государстве потеряет эту самобытность в рамках интегрированной Европы⁸.

В ряде публикаций отмечалось, что в то время как абсолютное большинство польского общества выступало за вхождение в ЕС и НАТО, «антиевропейское» меньшинство имело тем не менее довольно влиятельных сторонников. И не только в так называемых посткоммунистических кругах, представители которых — из-за политических биографий и почти полувекового понимания польских государственных интересов на базе «восточной ориентации» — естественно входят в это меньшинство. Но удивительно, что антиевропейские настроения находили приверженцев также в польском костеле, Польской крестьянской партии (ПКП)* и правых народных (национальных) кругах. Если кардинал Ю. Глемп видел на Западе истоки морального распада и указывал на его опасность для традиционного польского католицизма, то ПКП заявляла об угрозе сельскохозяйственной политики ЕС для польского села, а правые вместе с некоторыми идеологами Христианско-национального объединения (ХНО)** толковали о негативных последствиях общеевропейской унификации национальной самобытности поляков⁹.

Некоторые материалы польской периодики содержали резкую критику восточного направления внешней политики страны. Известный в Польше ведущий специалист по «русским делам» проф. А. Дравич оценивал в декабре 1993 г. политику отчуждения по отношению к РФ как «огромную политическую глупость». Объясняя «разбухающий на глазах», подобно атомному грибу, чудовищный синдром отчуждения от России в польском обществе обидами за прошлое, страхом перед будущим и польской гордыней, он подчеркивал, что «дозволенное общественному мнению не пристало тем, кто властвует в Речи Посполитой. Ибо их дело — не поддаваться эмоциям толпы... Создается впечатление, что они задались целью изменить географическое положение Польши — отчалить от берегов Буга и пришвартоваться где-нибудь между Норвегией и Исландией». И далее А. Дравич писал: «Определенные надежды во мне пробудила смена власти (в сентябре 1993 г. — О. М.). Однако я быстро понял, что это — иллюзии, ибо левые силы в Польше превыше всего жаждут психологической легитимности и панически боятся обвинений даже в самом малом русофильстве»¹⁰.

* Возникла в 1990 г.

** Правая национально-христианская партия (1989–2010).

Не согласен с русофобским журналистским большинством и публицист Ст. Киселевский, утверждавший, что «Ялта* была для Польши не только вступлением в политическую неволю, но также и обретением разумного географического положения», что следует сохранять союз с Россией, но не на базе единства мировоззрения и строя, а на основе добровольной, свободно определенной общности жизненных интересов¹¹. Эти идеи, кстати, разделялись некоторыми известными деятелями «Солидарности». Так, А. Михник утверждал, что «постоянный диалог с Россией должен быть каноном польской геополитики»¹².

О том, что польские власти и средства массовой информации «односторонне и поверхностно» информировали общественность страны о подлинных проблемах европейской безопасности, особенно об условиях, а также политических, военно-стратегических и финансовых последствиях вступления РП в Североатлантический альянс, заявляли участники состоявшейся в Варшаве в марте 1996 г. конференции «НАТО и безопасность Польши и Европы». Ее провели Общество «Польша-Восток» и «Клуб польских государственных интересов» - организация, объединявшая независимых политологов и общественных деятелей. Попытки на этой конференции польских политиков и военных строить систему европейской безопасности без России или в ущерб ее интересам ученый М. Добросельский расценил как удивительные, «представляющие собой опасные и очень дорогостоящие иллюзии»¹³.

Взвешенную позицию высказывал также Е. Урбан, обращая внимание на то, что никакая НАТО не обезопасит Польшу от Востока, если она не будет поддерживать с Россией добрососедские отношения. Так же как никакой ЕС не заменит Россию в качестве источника сырья и энергии для Польши и рынка сбыта для большинства польских товаров¹⁴. О желании осуществить стратегическую цель — вступить в НАТО, не ухудшая отношений с Россией, заявлял министр иностранных дел Д. Росати. Он был убежден, что это удастся сделать, даже если в переходный период возникнет определенное напряжение в польско-российских отношениях¹⁵.

И все же, несмотря на существование в Польше реалистических, продуманных, подобных приведенным выше настроений, явно преобладали антироссийские. Вопрос «Что важнее — быстрое вступление в НАТО или выгоды от возможных экономических уступок России?» ввел в оборот министр иностранных дел левого коалиционного правительства А. Олеховский. Он объяснял свою отставку в феврале 1995 г.

* Имеется в виду Ялтинская конференция лидеров трех стран антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.), посвященная установлению послевоенного мирового порядка.

«принципиальными разногласиями» со всем кабинетом по проблемам сотрудничества с Россией, которое, по его утверждению, мешало стране на ее пути к Западу. Некоторые ведущие политики коалиции указывали на необходимость усилий по развитию региональной интеграции, функционировавшей независимо от европейского сообщества¹⁶. После визита министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова в Варшаву в марте 1996 г. в стране развернулась политическая кампания, направленная на «нейтрализацию» возможного улучшения двусторонних отношений. Так, представители ДВП, в котором после поражения на парламентских выборах 1993 г. объединился ряд правых группировок (сторонников Л. Валенсы и Я. Ольшевского), заявляли, что до вступления Польши в НАТО подписание договоров с Россией вообще должно быть приостановлено.

Теперь попробуем проследить позиции основных политических партий в отношении приоритетов внешней политики страны. Социал-демократия Республики Польша (СДРП) неизменно была сторонницей включения в европейские процессы и структуры, и со временем эта позиция укрепилась. Однако уже в первых программных декларациях социал-демократии этому сопутствовало предостережение, что процесс «вхождения в Европу» будет не только трудным, но и рискованным с учетом огромных экономических диспропорций¹⁷.

В несколько меньшей степени, чем социал-демократы, связывала будущее Польши с Западной Европой Польская крестьянская партия, составлявшая с социал-демократами правительственную коалицию в 1993–1997 гг. В ее заявлениях можно было встретить сомнения, имевшие главным образом экономическое основание, опасения высокой цены связей с ЕС, а также подчеркивание значения сотрудничества с ближайшими соседями¹⁸. В программных документах Союза труда (СТ), входившего в Союз демократических левых сил (СДЛС), отмечалось, что внешняя безопасность Польши требовала прежде всего вступления в НАТО, а также поддержки дружеских контактов с соседями и большего разнообразия в направлениях экономического сотрудничества, слишком односторонне сконцентрированных на Западной Европе¹⁹.

Правые политические группировки Польши также высказывались за участие в процессе европейской интеграции, который, однако, как подчеркивалось в документах, например, Христианско-национального объединения, не должен ограничивать суверенности государства и национальной самобытности²⁰. В предвыборной программе Движения за возрождение Польши осенью 1997 г. отмечалось, что участие РП в НАТО, усиление балтийских государств, Украины и Белоруссии создавали «шанс для сдерживания российского империализма», а членство Польши в ЕС «требует времени и денег» и подготовки по крайней мере нескольких

стратегических отраслей польской экономики к конкуренции с Западом²¹. Лидеры Акции выборчей «Солидарность», выступая за быстрое вхождение страны в НАТО, подчеркивали в 1997 г., что Польша должна при этом сохранить собственную самобытность и иметь «непосредственное влияние на формирование нового порядка в Европе»²².

Таким образом, правые группировки, поддерживая в целом стремление РП в НАТО, были не согласны, в частности, со свободным перемещением капиталов (усматривая опасность в иностранных инвестициях) и свободным передвижением людей, а особенно их наплывом в страну. Лидеры правых выступали за протекционистские таможенные барьеры (так как следовало защищать польское сельское хозяйство от внешней конкуренции) и не хотели приспособления польских законов к международным стандартам (считая, по меньшей мере, спорными запрет смертной казни, гарантии для национальных и сексуальных меньшинств, равноправие верований и т.д.).

Польские партии центристской ориентации также выступали за полное членство страны в НАТО. Приоритетом внешней политики, по мнению Соглашения центристских сил (СЦС), должно было быть вступление в эту и другие европейские структуры, понимаемое как альтернатива зависимости от России. «Польша может и должна переломить довлеющий на ее судьбе геополитический фатализм путем участия в евроатлантической оборонной организации (НАТО) и в Европейском союзе», — отмечалось в программных декларациях СЦС²³.

Основным содержанием современных польских государственных интересов Либерально-демократическим конгрессом (ЛДК) и Демократическим союзом (ДС) признавался «роевропеизм», понимаемый как приспособление и готовность к сотрудничеству с целым комплексом континентальных институтов. Союз свободы (СС), образовавшийся в результате слияния в 1994 г. ЛДК и ДС, также ратовал за скорейшее вступление Польши в ЕС и НАТО, но его программа содержала вместе с тем и положение о создании «мирных отношений между НАТО и Россией»²⁴.

Против политического курса на вхождение Польши в НАТО и ЕС категорически выступала Национальная партия «Щербец». Она называла этот курс «национальным самоубийством» в своем майском (1995 г.) заявлении: «... вхождение в НАТО, — читаем мы в документе, — подвергает страну смертельной опасности, а возжеленная многими Европа превратит нас в дешевый рынок сбыта иностранных изделий и в колонию»²⁵.

Если кратко обозначить позиции партий на парламентских выборах в сентябре 1997 г., то они группируются следующим образом:

- А) безусловно за вхождение в НАТО — СС, СТ, ДВП;
- Б) «за» с определенными оговорками — СДЛС, АВС, ПКП.

Что касается Европейского союза, то только СС безоговорочно был за быстреее в него вступление; остальные партии в принципе выступали «за», но делали различные оговорки: СДЛС боялся слишком сильной зависимости от Брюсселя; АВС и СТ говорили о необходимости выторговывания выгодных кредитно-финансовых условий; ПКП была озабочена защитой польского сельского хозяйства; ДВП предостерегало от излишней спешки²⁶.

Таким образом, с одной стороны, очевидна неизменность приоритетов и преемственность стратегической линии Польши на вступление в ЕС и НАТО. С другой же — внимательный анализ обнаруживает определенную вариативность и различную акцентировку аналогичных, на первый взгляд, внешнеполитических установок основных партийных объединений.

В декабре 1997 г. на конференции в Варшаве, посвященной вопросу о роли НАТО уже в расширенном составе, был отмечен еще один аспект последствий присоединения к Североатлантическому альянсу Польши, Чехии и Венгрии, а именно: Германия окажется в окружении исключительно натовских стран, что обусловит ее «поведение» в отношении Польши скорее как «лояльного гражданина», нежели соседа, создающего угрозу. Тем самым расширением НАТО на Восток будет сдерживаться колоссальная мощь объединенной Германии. А страх перед нею, западным соседом, и Россией, соседом восточным, существовал в Польше на протяжении веков.

В сентябре 1997 г., как уже упоминалось, в Польше состоялись парламентские выборы, на которых победу одержал правый блок АВС. Было образовано правоцентристское коалиционное правительство АВС–СС во главе с депутатом от АВС Е. Бузеком, который подтвердил курс прежнего правительства на быстрые темпы вхождения Польши в НАТО. Этому же направлению придерживался и президент, заявляя, что первостепенными он считает задачи укрепления демократии, ликвидации экономических диспропорций, отделявших Польшу от высокоразвитых промышленных стран Запада, интеграции с ЕС и НАТО. «Расширение НАТО выходит за оперативные, стратегические или политические рамки — это исторический процесс. Закрывается не только раздел истории, начиная от Ялты, но и рождается концепция строительства на базе общих ценностей новой Европы», — подчеркивал в 1998 г. президент А. Квасьневский²⁷.

Участниками дискуссий часто говорилось, имея в виду восточную политику, о программе-минимум и программе-максимум. В качестве минимума Польша рассчитывала геополитически отгородиться от России за счет создания «пояса привилегированного добрососедства» из постсоветских государств. Как было сказано, например, в предвыборной программе

АВС, «принципиальный спор с Россией касается не вопроса членства Польши в НАТО и ЕС, а различия интересов в отношении государств, находящихся между Республикой Польша и Российской Федерацией, т.е. в отношении стран Балтии, Белоруссии, Украины и Молдовы»²⁸.

Что же касалось программы-максимум, то заявлялось, что Польша чувствовала бы себя комфортно, если бы отодвинулись на восток границы евроатлантических институтов — НАТО и ЕС. Однако, декларируя эти цели, польские политики стремились «подсластить пилюлю». Так, А. Квасьневский не забывал отметить, что «расширяя НАТО, надо все время поддерживать самые хорошие отношения с Россией»²⁹.

Таким образом, в рассматриваемый период Польша боролась за свое место и достойную роль в Европе и главные внешнеполитические пути достижения этого видела во вступлении в НАТО, состоявшемся в 1999 г., и в ЕС — в 2004 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Запад не будет «умирать за Гданьск» // Правда. 1995. 18 ноября.

² *Rosati D.* Nowy Łach, stary starch. Dlaczego Unia Europejska boi się Polski? // Polityka. 1995. № 2. S. 22–23; *Kawecka-Wyrzykowska E.* Ekonomiczne i pozaekonomiczne motywy członkostwa Polski w Unii Europejskiej // Unia Europejska. Integracja Polski z Unią Europejską. Warszawa, 1996.

³ Цит. По: *Pasierb B.* Dylematy polskiej geopolityki. Polska w Europie, ale jakiej? // Postzimnowojenna Europa. Ku jedności czy nowym podziałom? Wrocław, 1995. S. 126.

⁴ Ibidem.

⁵ *Krasuski J.* Gdzie leży Polska? // Polityka. 1992. № 52. S. 14.

⁶ *Rakowski M.* Europa nie zaczeka // Polityka. 1997. № 9. S. 28–30.

⁷ *Urban J.* Łaskotanie niedźwidzia // Ibid. S. 33–34.

⁸ *Szczypiorski A.* Lęk i niepewność // Ibid. S. 32–33; Idem. Strasznie Europą // Polityka. 1995. № 38. S. 3.

⁹ *Rosnowski St.* Płytką świadomość. Debata w sprawie NATO // Polityka. 1995. № 37. S. 3.

¹⁰ Wprost. 1993. 7.XII.

¹¹ *Kisilewski St.* Komu jest potrzebna Polska? // Tygodnik powszechny. 1990. 4. III; Polityka. 1990. 10. III.

¹² Gazeta wyborcza. 1995. 13. V.

¹³ Пульс планеты (ИТАР-ТАСС). 1996. 2. III. CE-17.

¹⁴ *Urban J.* Łaskotanie niedźwidzia // Polityka. 1997. № 9. S. 33–34.

¹⁵ Rozmowa z ministrem spraw zagranicznych Dariuszem Rosati. Granice ustępstw // Polityka. 1997. № 9. S. 10.

¹⁶ *Olechowski A.* Europejska opcja polskiej polityki zagranicznej // Rocznik polskiej polityki zagranicznej. 1995. Warszawa. S. 29.

¹⁷ Program społeczno-polityczny SdRP // Trybuna Ludu. 1991. 12. VI. S. 2; Polskie partie polityczne. Charakterystyki, dokumenty. Wrocław, 1996. S. 227.

¹⁸ Program polityczny i społeczno-gospodarczy PSL (Uzupełniony na IV Kongresie PSL. Luty 1995) // Polskie partie... S. 160–161.

- ¹⁹ Uchwała programowa I statut przez pierwszy kongres. Warszawa, 1993 // Polskie partie... S. 296; Rzeczpospolita. 1997. 18.IX. S. 18–19.
- ²⁰ Deklaracja programowa IV zjazdu Krajowego ZChN marzec 1995 // Polskie partie... S. 316; 57, 85, 23, 186–197; *Pilka M.* Wiele nas łączy // Tygodnik Solidarność. 1996. 8.III. S. 3, 10.
- ²¹ *Lentowicz Zd.* Rywnym krokiem do NATO, każdy swoją dróżką // Rzeczpospolita. 1997. 18. IX. S. 18.
- ²² Ibidem; Tygodnik Solidarność. 1997. 16. V. S. 6–7.
- ²³ Polskie partie... S. 180.
- ²⁴ Ibid. S. 312.
- ²⁵ Ibid. S. 265; См. также: The Polish Transformation from the Perspective of European Integration. EU-monitoring. Warszawa, 1997. February. P. 205–208.
- ²⁶ Mała ściągawka dla wyborcy 97 // Polityka. 1997. № 38. S. 6.
- ²⁷ Пульс планеты. 1998. 23 февраля. С. 3.
- ²⁸ Цит. по: *Кобринская И.* У Польши появились свои интересы на просторах СНГ // Известия. 1998. 9 января.
- ²⁹ Niewątpliwie mam satysfakcję. Rozmowa z prezydentem RP A. Kwaśniewskim // Rzeczpospolita. 1998. 14. V. S. 2; *Эггерт К.* Польша рвется на Запад, но не хотела бы слишком отдаляться от Востока // Известия. 1996. 10 марта.